

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ *

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ

В предисловии к Юбилейному изданию тогдашний его главный редактор В. Г. Чертков писал: «...редакция настоящего издания, строго придерживаясь принципа полной объективности, не снабжает текст никакими примечаниями с разъяснением <...> идейных противоречий» Толстого (т. 1, с. VIII).

Однако работа над изданием показала, что научная объективность оценки толстовского наследия, впервые полностью публикуемого, не могла быть достигнута путем отказа от принципиального освещения существа взглядов писателя, их противоречивости, их обусловленности исторической эпохой. Так возникла необходимость расширить исследовательский аппарат издания и ввести в дополнение к комментариям вступительные статьи-предисловия — к отдельным томам. Первое предисловие, принадлежащее перу С. П. Бычкова, появилось в т. 60 издания, вышедшем в 1949 г. Предисловиями, в которых рассматривается существо взглядов и деятельности Толстого соответствующего периода, а не только сообщается о составе того или иного тома, снабжены вышедшие позднее томы: 21-22, 23—24, 28, 29, 30, 31, 34, 35, 37, 39—42, 45, 48-49, 50-51, 52, 53, 57, 64, 65, 66, 67—71, 73-74, 75-76, 77—82, 88-89.

В ряде случаев, как видим, одно предисловие предпосылалось нескольким томам, и это вполне оправдано, особенно в серии «Дневники» и «Письма», поскольку целостная характеристика взглядов Толстого, отразившихся в этих писаниях, требовала более широкого охвата материала, а не дробного членения его по отдельным темам, обнимающим один-два года. Единственный случай, где можно пожалеть о таком объединении — предисловие к тт. 39—42. Содержательная статья, принадлежащая С. М. Брейтбургу, механически распадается на две части: одна посвящена произведениям 1893—1898 гг., составляющим содержание т. 39; другая, совсем не связанная с первой, касается вошедших в тт. 40—42 различных сборников с «мыслями мудрых людей», которые Толстой составлял в последние годы своей жизни (1903—1910). Правильнее было бы дать отдельное предисловие к т. 39, а в т. 40 поместить статью о «компилятивных» сборниках Толстого. Это, без сомнения, позволило бы автору предисловия яснее определить место указанных сборников в идейной и творческой эволюции писателя.

За исключением трех статей, относящихся к материалам 50—70-х годов (тт. 21—22, 48-49 и 60), все остальные помещенные в издании вступительные статьи относятся к сочинениям позднего периода деятельности Толстого, отличающегося наибольшей сложностью, противоречивостью и наименьшей изученностью.

Написанные различными специалистами, неравноценные по качеству, эти предисловия сходятся в одном: все авторы руководствуются в своих анализах ленинской концепцией изучения Толстого, ленинской оценкой противоречий его мировоззрения и творчества. Следует подчеркнуть, что такие разделы наследия писателя, как публицистика, дневники, письма, впервые были подвергнуты систематическому рассмотрению с ленинских позиций изучения Толстого именно во вступительных статьях к соответствующим томам Юбилейного издания. Этим определяется общее значение названных статей, которые сыграли положительную роль.

* Комментарии и примечания, которыми сопровождаются в Юбилейном издании произведения, письма, дневники и записные книжки Толстого, рассмотрены выше, в соответствующих разделах обзора.— *Ред.*

в разъяснении подлинного смысла творческой деятельности Толстого и его неустанных исканий.

В наиболее содержательных из статей подняты сложнейшие вопросы идейного развития Толстого, разработка которых продолжает оставаться среди актуальных задач литературоведения и наших дней. С. П. Бычков, анализируя письма второй половины 50-х годов, ставит проблему об отношении Толстого к революционно-демократической идеологии и теоретикам «чистого искусства», о том, как отразились идейные колебания на творчестве Толстого этих лет. В. Ф. Асмус, рассматривая религиозно-философские трактаты Толстого 80-х годов, заостряет вопрос о подлинной сущности «религии» Толстого и приходит к справедливому выводу: «Религия Толстого есть не столько вера (хотя в ней, конечно, есть элемент религиозной веры), сколько *протест*» (т. 23, с. IX). С. М. Брейтбург, затронув такую сложную проблему, как критика Толстым патриотизма, в результате исследовательского анализа устанавливает, что позиция сторонника христианского единения людей всего мира сочеталась у Толстого с беспощадным обличением национализма, шовинизма, милитаризма, которым в буржуазном обществе присваивается наименование патриотизма. С. А. Розанова в предисловии к тт. 73-74 и Е. Н. Купреянова в предисловии к тт. 75-76, анализируя письма Толстого 1901—1906 гг., на конкретном материале демонстрируют сложность отношения Толстого к первой русской революции, «зеркалом» которой он явился, несмотря на то, что, по словам В. И. Ленина, явно не понял этой революции и отстранился от нее. В предисловии к письмам последующих лет (тт. 77—82) Б. С. Мейлах сформулировал проблематику идейной эволюции Толстого в его поздние годы.

Большой интерес, выходящий за пределы характеристики писем Толстого к Черткову, представляет статья М. А. Щеглова, помещенная в т. 88-89. Широко привлекая материалы, рисующие взаимоотношения Толстого с Чертковым за все время их знакомства, М. А. Щеглов показывает, что лишь одна сторона сложной личности Толстого была обращена обычно к его другу и «единомышленнику».

Обширные новые материалы, опубликованные в издании, позволили авторам предисловий к томам значительно расширить сферу приложения ленинского анализа творчества и взглядов Толстого.

В некоторых случаях, однако, догматические стремления авторов предисловий в каждом произведении Толстого увидеть сумму противоречий, о которых говорил Ленин, оценивая творчество и мировоззрение писателя в целом, приводят к односторонним и даже неверным оценкам. Странно, например, выглядит анализ такого шедевра художественной прозы позднего Толстого, как повесть «Хаджи-Мурат» (т. 35), лишь в свете общих противоречий патриархально-крестьянской идеологии. Между тем именно «Хаджи-Мурат» относится к числу тех произведений Толстого, где слабость его религиозно-нравственного учения представлена в минимальной степени и где весь пафос сосредоточен на утверждении активности, борьбы, противления, даже и посредством «насилия». Точно так же весьма спорна трактовка образа Федора Протасова, которую дает К. Н. Ломунов, утверждающий, будто, «рисую образ Протасова, Толстой выступает сторонником пассивного „неучастия в зле“, как метода „борьбы“ с социальной несправедливостью» (т. 34, с. XII—XIII).

Иногда гениальные суждения Ленина о Толстом применяются начетнически в роли тех «дежурных цитат», которые преподносятся взамен необходимых собственных мыслей. Особенно странно выглядит, в этой связи, концовка предисловия, помещенного в т. 21-22 (авторы Н. А. Константинов и А. К. Петров). На протяжении двух листов статьи так и остаются нераскрытыми причины непреходящего значения маленьких рассказов

Толстого, помещенных в «Азбуке» и «Русских книгах для чтения». В конце предисловия авторы справедливо упоминают о том, что в советскую эпоху детские рассказы Толстого выходят у нас большими тиражами в сериях: «Книжка-малышка», «Библиотека детского сада», «Мои первые книжки», «Книга за книгой», «Школьная библиотека» и др. Тут бы и поставить точку. Но нет: нужна цитата. И авторы продолжают: «Это со всей яркостью подчеркивает значение слов великого Ленина о том, что в наследство Л. Н. Толстого „есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему“ и „это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат“». Авторы не учитывают того, что Ленин говорил в данном случае, будучи всегда предельно конкретным и точным, о том «наследстве», которое содействует революционному просвещению пролетариата: о толстовской критике государства, церкви, частной поземельной собственности, капитализма (В. И. Л е н и н. Сочинения, т. 16, стр. 297).

Недостатком некоторых вступительных статей является то, что они не охватывают всех главнейших *основных* материалов, представленных в соответствующем томе. В особенности это касается первой серии издания, содержащей произведения Толстого. Характеризуя в статье к т. 30 эстетические взгляды Толстого, К. Н. Ломунов, например, даже не упоминает помещенного в томе предисловия к сочинениям Ги де Мопассана, хотя это предисловие существенно обогащает наше представление об эстетике Толстого, в частности о его положительной программе реалистического искусства. Аналогичным образом Б. С. Мейлах свое краткое предисловие к т. 37 посвящает в основном статье «Не могу молчать», почти не касаясь художественных произведений Толстого последних лет. Характеристика «Круга чтения», данная в предисловии С. М. Брейтбурга к тт. 39—42, в значительной мере обеднена из-за того, что не только не анализируются, но даже не упомянуты замечательные художественные произведения Толстого, опубликованные в «Круге чтения»: «За что?», «Ягоды», «Корней Васильев», «Божеское и человеческое».

Почти не касаются авторы предисловий творческой истории произведений Толстого, хотя такого рода материалы были бы здесь очень нужны и уместны. Ведь комментарии в Юбилейном издании представляют собою обычно лишь изложение чисто внешней, фактической стороны истории писания и печатания произведения.

Введение в Юбилейное издание исследовательских статей-предисловий оказалось полезным как для самого издания, так и для изучения наследия Толстого вообще. Но имеющиеся лишь в половине издания, эти предисловия не могли осветить всего идейного и художественного пути Толстого, охватить в своих анализах все наследие писателя. Они остались лишь фрагментами таких широких характеристик.

Л. О п у л ь с к а я

2. УКАЗАТЕЛИ

В Юбилейном издании были предусмотрены следующие типы указателей: а) Указатель собственных имен; б) Словарь трудных для понимания слов; в) Алфавитный указатель адресатов Толстого.

Указатель собственных имен должен был даваться при каждом томе. По инструкции в него вводились как из текста Толстого, так и из текста комментариев: 1) имена личные; 2) имена географические (государств, городов, сел, деревень, улиц, площадей и т. д., гор, рек, озер и т. п.); 3) названия исторических событий (войн, сражений, революций и т. п.); 4) названия учреждений (правительственных, учебных, ученых, полков, обществ и т. п., гостиниц, ресторанов и т. п.); 5) названия издательств; 6) заглавия книг, названия статей, журналов, газет; 7) названия произведений (слова,

живописи, скульптуры, музыки); 8) имена героев художественных произведений не Толстого и Толстого, когда последний упоминает их не в тех произведениях, где они выведены».

Словарь трудных для понимания слов предназначался лишь для серии «произведения». Он должен был заключать в себе «вышедшие из употребления специальные термины, слова местные, слова языков национальных меньшинств» и т. п.

Указатель адресатов для каждого тома из серии «письма» должен был «раскрывать содержание этого тома в алфавитном порядке».

Установленные указатели не были осуществлены в полном объеме.

Без указателей собственных имен вышли тт. 21, 22 и 24, что следует, безусловно, отнести к недостаткам справочного аппарата Юбилейного издания.

Со словарями трудных для понимания слов вышли лишь тт. 1—7, 9—12. В дальнейшем Редакторский комитет справедливо признал такие словари ненужными для научного издания.

Указатели собственных имен были приняты двух родов: аннотированные — к томам серии «произведения» и неаннотированные — к томам серий «дневники» и «письма». Такое подразделение было вызвано тем обстоятельством, что в комментариях к дневникам и письмам давались довольно подробные сведения о том или ином лице, событии и т. п., в комментариях же к произведениям этого, за редкими исключениями, не делалось.

Соответствующая инструкция предусматривала составление указателей, отвечающих типу и задачам Юбилейного издания. Однако расширительное толкование некоторых пунктов инструкции составителями указателей привело в томах, вышедших в первые годы издания, к излишествам и к засорению указателей второстепенными, а часто и совсем ненужными сведениями. С большим произволом использован в частности пункт, предусматривавший введение в указатель «названий учреждений». Стали вводиться такие названия, как «Калужская гимназия», «Пензенская гимназия» (т. 8), «Тульский банк», «Московская духовная цензура» (т. 54), «Сенат» (т. 85) и т. п. Все эти названия взяты из текста комментариев, где приведены мимоходом, и для изучения творчества и жизни Толстого не имеют никакого значения.

Такие же неоправданные излишества вызвал и пункт о «названиях исторических событий». В т. 85 в указателе значится, например: «Съезд представителей сектантства», в т. 54: «Убийство Гумберта», «Убийство Сипягина», «Юбилей — 200-летие русской периодической печати», «Юбилей — 50-летие со дня выхода в свет первой повести Толстого „Детство“».

Большое место в указателях к ранним томам занимают и так называемые отсылочные указания. Такие указания законны, когда они помогают разыскивать в томе нужное имя, событие, книгу и т. п. Но часто они совершенно не нужны и лишь засоряют указатели.

В результате допущенных излишеств указатели к некоторым томам Юбилейного издания превратились в громоздкие справочники, которыми трудно пользоваться. Так, например, указатель к т. 54 составляет 6 печатных листов при общем объеме тома в 48 печатных листов.

После ликвидации Редакторского комитета (см. об этом в первом разделе настоящего обзора) контроль над указателями практически осуществлялся редакторами томов. Прекращение единого руководства этой частью работы внесло в нее разнорядность. Например, некоторые составители совсем перестали вводить в указатель названия улиц, площадей и т. п.; другие стали указывать их лишь при названии городов; третьи — продолжали по-прежнему вводить их как самостоятельные имена. Почти то же происходило и с героями художественных произведений как Толстого,

ТОЛСТОЙ

«Фотография 1892 г. с дарственной надписью: «П. И. Нерадовскому Лев Толстой»

Архив Толстого, Москва

так и других авторов. Фамилии их иногда вводились в указатель со ссылкой на произведения, из которого они взяты, иногда — со ссылкой на автора, а в последних томах чаще всего не вводились совсем, а лишь давались при названии произведения, которое, в свою очередь, помещалось под фамилией автора.

Составление указателей имен собственных велось многими лицами с очень разной литературной подготовкой. Иные из ошибок, допущенных при составлении указателей, связаны с неправильным пониманием самой природы художественного творчества Толстого. Так, в т. 1 большинство действующих лиц повести «Детство», как дедушка, тетушка, брат тетушки и др., введены в указатель со ссылками: «Дед, дедушка. См. кн. Н. С. Волконской», «Тетушка. См. Ергольская Т. А.», «Брат тетушки. См. Ергольский Д. А.» и т. д. Под указанными же фамилиями даны аннотации и цифры, где эти лица упоминаются. Таким образом составитель указателя безоговорочно отождествил действительно существовавших лиц с художественными образами повести Толстого. Неправильно внесена в тот же указатель и фамилия композитора А. А. Алябьева. В повести говорится, что отец героя «певал <...> романсы приятеля своего А...». В указатель вводится: «А... См. Алябьев А. А.», хотя в комментариях нет никаких объяснений по этому вопросу. В этих и аналогичных им случаях составители указателя выступают уже в роли комментаторов биографии и творчества писателя.

Весьма неприятны и ошибки, вызванные незнанием конкретных фактов творчества Толстого. В результате этих ошибок читателю и исследователю сообщаются неверные сведения. Например, в указателе к т. 53 среди произведений Толстого приведено заглавие «Carthago delenda est». Но цифры страниц, подведенные под это заглавие, относятся к четырем разным произведениям Толстого: «Carthago delenda est» (1896), «Carthago delenda est» (1898), «Приближение конца» и «Послесловие к статье П. И. Бирюкова „Гонение на христиан в России в 1895 году“». Ошибка вызвана тем, что все эти произведения в разное время их написания имели заглавие: «Carthago delenda est».

В том же указателе при заглавии драмы «Власть тьмы» пропущены цифры страниц (268—269), на которых напечатаны относящиеся к этой пьесе записи, сделанные Толстым на генеральной репетиции ее в Малом театре 28 ноября 1895 г. Пропуск вызван, несомненно, тем, что заглавие драмы в тексте не названо, а упомянуты лишь имена некоторых действующих лиц, на которые составитель не обратил внимания.

Встречаются в указателях Юбилейного издания ошибки, сделанные по небрежности. Так, в указателе к т. 57 писатель И. А. Новиков назван в аннотации «телятинским», а рядом стоящий телятинский крестьянин И. А. Новиков — «сочинителем». Там же Александра Александровна Корсина названа Александрой Васильевной. В указателе к т. 39 нет фамилии французского политического деятеля Жоржа Эрнеста Буланже, упоминаемого в статье «Христианство и патриотизм», а цифры страниц, где он упоминается, подведены под фамилию знакомого Толстого Павла Александровича Буланже. К сожалению, таких ошибок, сделанных по небрежности, немало.

Отрицательно сказалась на качестве указателей отмена в томах, вышедших в период между 1949—1957 гг., раздела указателя, в котором иностранные имена, приведенные в тексте только в транскрипции латинского алфавита, в этой транскрипции и давались. После ликвидации иноязычного раздела составителям пришлось включать эти имена в русский алфавит, исходя из их русского произношения. Таким образом Garnier ставили на букву Г, а Girardin — на Ж; Hugo — на Г; Hume — на Ю, а «Histoire de France» — на И. В отдельных случаях этот принцип

нарушался; так в тт. 77—78 Chopin стоит на букву Ш, а Haage (Гаага) на букву Х; в тт. 81—82 на букву Е поставлены такие названия, как «Ere nouvelle», «Esperanto» и «Eugore»; а на букву Ю — почему-то поставлено «Une vie». Такой разнобой, допущенный в ряде указателей, затрудняет поиски нужного имени.

Критические указания в адрес составителей указателей к Юбилейному изданию не должны умалять общей ценности проделанной ими обширной и сложной работы.

Как и комментаторы, составители указателей раскрыли множество темных мест в текстах Толстого: например, установили имя «шутника француза» (Альфонса Карра), чье изречение Толстой приводит в черновиках статьи «Не могу молчать» (т. 37, с. 399); дали справку о никому не известном Жозефе Ритсоне (английском антикваре), чьим именем подписано привлекавшее внимание Толстого изречение о вегетарианстве (т. 42, с. 75); указали название оперы («Дон Жуан» Моцарта), откуда взято дуэтино «La ci darem la mano» (т. 31, с. 137), и т. д.

В указателях к такому сложному и монументальному изданию, несомненно, не могло не быть ошибок и неполадок. Устранению их поможет специальный том общих сводных указателей ко всему изданию. Такой том в настоящее время составляется.

В. М и ш и н

ИЛЛЮСТРАЦИИ

За небольшим исключением все тома Юбилейного издания Толстого иллюстрированы. Иллюстративный материал — всего 239 иллюстраций — включает:

1) **Портреты Толстого.** В томах помещено 87 изображений писателя: 26 художественных портретов (масло, рисунок, скульптура) и 61 фотография (среди них 4 дагерротипа).

2) **Рукописи и корректуры Толстого (126).** В числе их — рукописи и корректуры художественных произведений (63), публицистических, педагогических и философских статей (19), дневниковых записей и листов записных книжек (21), писем (23).

3) **Рисунки и чертежи Толстого,** сделанные на полях рукописей и в записных книжках (7).

4) **Книжные обложки изданий произведений Толстого (4).** Среди них обложки первых изданий «Войны и мира», «Анны Карениной». Напечатанные в т. 22 все четыре книги «Азбуки» Толстого воспроизведены фототипически с издания 1872 г. Благодаря прекрасно выполненной фототипии читатель знакомится не только с точным текстом этого издания, но и с его орфографией, рисунками, цветом обложек и т. п.

5) **Разного рода документы (7).** Карта Севастополя 1855 г., ноты «Севастопольские песни», генеалогические таблицы рода Толстых.

6) **Виды местностей,** связанных с биографией Толстого (5). Снимки Ясной Поляны, Гаспры, Астапова.

7) **Рисунки М. С. Башилова к «Войне и миру» (3).**

Иконографический материал в своем подавляющем большинстве подобран удачно. В издании представлены лучшие изображения Толстого: портреты, сделанные И. Н. Крамским, И. Е. Репиным, Н. Н. Ге, Н. А. Ярошенко, Л. О. Пастернаком и др.; скульптуры П. П. Трубецкого, И. Я. Гинцбурга, П. К. Клодта, Н. Н. Ге; фотографические портреты писателя в различные периоды жизни. Все это дает представление об изменении внешнего облика Толстого.

Богат и разнообразен иллюстративный подбор рукописей. Детские сочинения Толстого, «Детство», «Отрочество», «Юность», «Разжалованный»,